

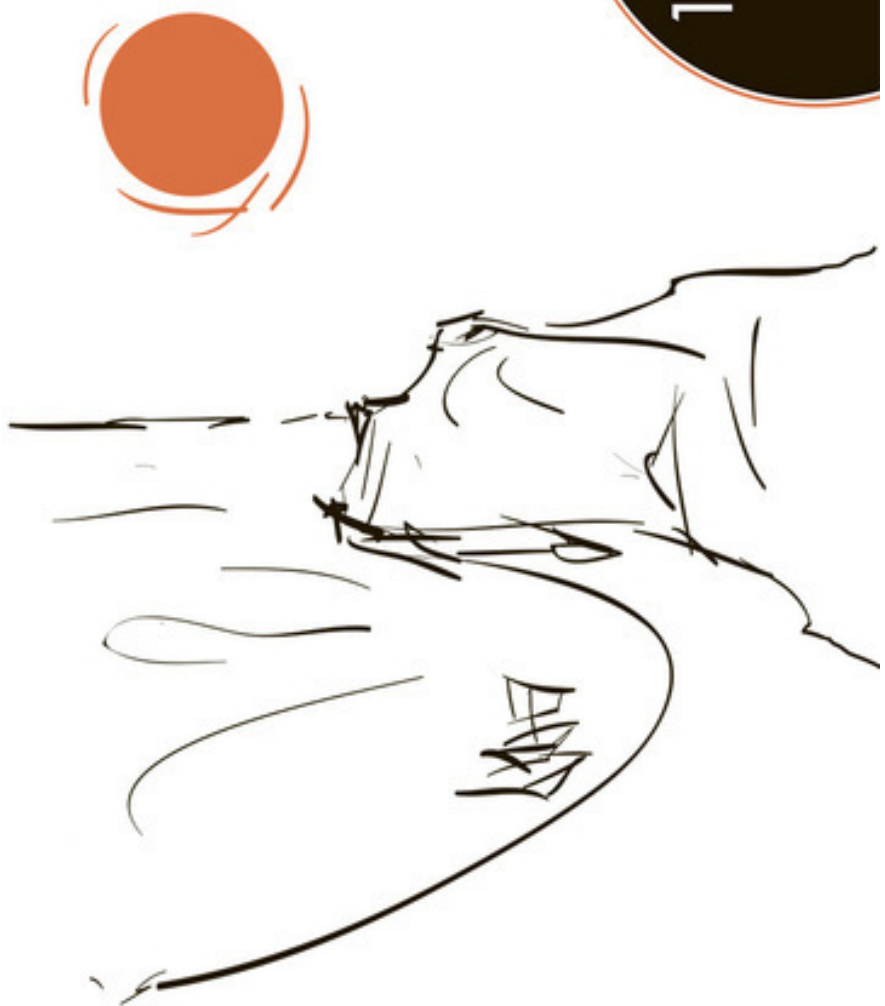
ЛЕРМОНТОВ

ВЛАДИМИР

VLADIMIR LERMONTOV

*Праздник
навсегда*

БОЛЕЕ
1000000
ЧИТАТЕЛЕЙ

*Красивая повесть
о бессмертии*

Владимир Лермонтов

**Праздник навсегда. Красивая
повесть о бессмертии**

«Свет»

2010

УДК 84+86.4
ББК 82-31

Лермонтов В. Ю.

Праздник навсегда. Красивая повесть о бессмертии /
В. Ю. Лермонтов — «Свет», 2010

Людам нужна надежда. Людям нужна вера. Мы все стремимся постичь смысл своего существования. В неосознанном поиске этих труднодостижимых, но необходимых для счастья условий, мы, как слепые котята, натываемся на углы и страдаем. А между тем... Чудеса с нами происходят постоянно, только мы их не замечаем, не видим. Жизнь, которую нам даровал Господь, сама по себе – уже чудо. Мы дышим, любим, наслаждаемся красотами природы – и все это истинное чудо, к которому мы привыкли и которое принимаем как должное. Нам Всевышний даровал праздник, который всегда с нами, и мы должны праздновать жизнь, а не проплакивать ее. И книга «Праздник навсегда» – волшебный компас, который поможет ориентироваться в мире чудес, окружающих нас повсеместно.

УДК 84+86.4

ББК 82-31

© Лермонтов В. Ю., 2010

© Свет, 2010

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

В. Лермонтов

Праздник навсегда! Красивая повесть о бессмертии

© Лермонтов В., 2010

© Оформление. ООО «Амрита», 2012

* * *

Эта захватывающая и удивительная история, похожая на сказку, случилась с автором, когда он не ждал от жизни никаких чудес. Встреча со старцем, собравшим всю мудрость Земли, и полужанрастические события, в которые вовлекается автор, резко изменяют его жизнь. Сейчас у вас в руках не просто книга, а чудо, которое стучится в дверь вашего сердца, чтобы принести в него радость, мир и любовь!

Ветер стучится к нам
в окна и двери. Что это?
– Это сказка просится войти
в наш дом, нашу жизнь.
Мы были детьми, и чудеса приходили
к нам просто так,
ибо мы были открыты
и доступны для них.
Когда мы стали взрослыми,
то затворили двери своей души, сердца,
и потому с нами не случается праздника.
Как нам стать снова детьми, чтобы сказка
вновь стала приходить к нам?

Глава 1

Никто не знал, откуда появился этот старик в поселке. Тогда стояла поздняя осень, и всепроницающая сырость и пронизывающий холод не выпускали надолго жителей на улицу. Как было приятно сидеть у печи, греться, пить чай и глядеть на потрескивающие головешки в топке! В тот день стоял такой густой туман, что в десяти метрах ничего не было видно. В воздухе можно было разглядеть парение мельчайших крупинок влаги и прикоснуться к ним рукой. Тем, кто вовремя не позаботился о дровах, приходилось покидать свое жилище и отправляться в лес за сушняком. Грибная пора уже прошла, но грибы кое-где еще виднелись. В таком тумане могли заблудиться даже жители поселка, которые с малолетства знают здесь каждую тропинку, каждое дерево и каждое ущелье. Такое происходило не однажды. И всякий раз выручала в таких случаях железная дорога и автомобильная трасса, которые проходили посередине поселка, разрезая его ровно на две половины. Когда поймешь, что заблудился, слушай шум поездов, машин и ступай на звук. На тропинки и дороги уже смотреть незачем, просто иди по лесу напролом. Ведь лукавые лесные духи так затуманят голову и запутают, что будешь идти по дороге, которую знаешь всю до мельчайших подробностей, но будет казаться, что видишь ее впервые и раньше на нее твоя нога никогда не ступала.

Мой маленький глинобитный домик расположился на склоне горы, в полукилометре от низины, по которой пролегал трасса. Выше него небольшая живописная полянка, а дальше – сплошной лес до самой вершины. На полянке стоят часовенка и колоколица, которые мы соорудили из дерева вместе с моим другом. Они похожи на теремки, какие делают в детских садах для игр. А еще они похожи на двух странников, один, колоколица, высокий и худой, чуть склонивший голову набок, как бы стесняясь своего роста, а другой, часовенка, низкий и полный. Как древние чудные путешественники, вынырнули они из другого мира, другого пространства, другого времени и на миг застыли на поляне, разглядывая все, что открылось их взору. И кажется, что сейчас они вот-вот шевельнутся и двинутся в свой бесконечный путь по бескрайним дорогам Земли. Они рассказывают людям о главном, вечном и неизменном. Ведь люди часто забывают, для чего они живут, для чего создан этот мир, и тогда приходят беды, страдания, слезы. А эти вестники напоминают о забытой радости, об утраченном счастье, о потерянной любви. Но еще они были моими друзьями, и я с ними даже разговаривал, ласково поглаживая шероховатые стены, и мне казалось, что они отвечали взаимностью. У колоколицы был свой язык. На ней висели два небольших колокола и два рельса, и она говорила со мною легким перезвоном. Даже если не было ветра, рельсы раскачивались неведомой силой, и от ударов разносился мелодичный звук. А часовенка давала мне знать о том, что слышит меня, тем, что вдруг наполнялась благовониями и легкий ветерок ходил внутри и колыхал огоньки лампадок и свечей.

Здесь, в одиночестве и удаленности от суеты мирской, я вел свои сокровенные беседы с Богом. Каждый день утром и вечером я поднимался на поляну, забирался на колоколенку и звонил. Звонил, чтобы Всевышний услышал меня, мои молитвы, чтобы не забывал, что есть на Земле такой маленький и незаметный человек – как я. Потом шел в часовню, и, если было масло, зажигал лампадку, и, став поближе к маленькому оконцу, начинал сердечный разговор. Сначала казалось, что меня никто не слышит и мои слова растворяются в пустоте, будто я разговариваю сам с собой. Но потом пустота вдруг оживала и приходила в трепетное волнение. На сердце нисходила благодать, а в душе становилось так мирно и спокойно, как бывает солнечным летним днем в полдень на озере, сокрытом в дремучем девственном лесу, куда не проникает даже легкий ветерок и не нарушает кристальной глади воды, в которой резвятся озорные золотистые рыбки.

Снизу доносился непрерывный гул машин, иногда заглушаемый грохотом проходящего поезда. Там, в машинах и вагонах, сидели люди, они куда-то спешили, ведь люди всегда спешат, им нужно куда-то успеть, иначе будет расстройство и счастье не придет к ним. Но счастье – хитрая вещь: чем быстрее за ним гонишься, тем быстрее оно убегает от тебя. Люди придумали скоростные машины, которые могут обогнать даже ветер, но счастье тоже прибавило газу, так и маячит перед носом, а ухватиться за себя не дает.

Когда-то я тоже участвовал в этой гонке за счастьем, но так и не догнал его. Занимался этим я до тех пор, пока не понял, что счастье нельзя догнать, его можно только дождаться и впустить в свой дом, в свое сердце. Оно на самом деле не убегает, а догоняет человека, и потому, чтобы счастье посетило твою жизнь, нужно не бежать, а остановиться, замереть и не суетиться. Истина приходит в молчании, ибо она сама по себе очень тиха и нежна, и ее важно не спугнуть водоворотом мыслей и чувств, суетой и волнением.

Я потихоньку учился принимать истину, я учился молчать, хотя давалось это трудно. Лишь долгие молитвы успокаивали ум, утомляли его, и тогда он на какие-то мгновения прекращал «варить свое вечное зелье из одних и тех же продуктов – мыслей», и впадал в дремотное состояние. Именно в эти моменты небесная нежность, как птица, касалась своим легким крылом моей души, и все мое существо приходило в несказанный трепет и благодатное волнение. Это продолжалось недолго, ибо ум, учуяв нежданное посещение, пробуждался и тут же давал сигнал к осмыслению происходящего: включалась мозговая бетономешалка – и божественные волны угасали и исчезали. Я начинал все сначала, и это походило на игру в прятки: я прятался от своего старого, болезненного существа, и пока оно меня искало, душа уносилась в небесную даль. Это было трудно – спрятаться от себя самого, но эта игра со своим собственным разумом стоила того, чтобы пережить эти бесподобные мгновения небесной благодати и радости.

Иногда ничего не получалось, я не мог уйти от себя, мое старое «я» преследовало меня неотступно, и тогда наступал сезон глубокого уныния, будто небо моей души заволочли непроницаемые тучи и непрерывно шел дождь. Именно в такой день я впервые встретил этого странного старика.

С утра ходил недалеко в лес, собрал толстые ветки и, связав их веревкой, принес вязанку домой. Потом ломал их ударами ноги, а то и просто руками, так как они были гнилые. То, что ломалось легко, плохо горело, а то, что невозможно было перебить даже обухом топора, в печи давало жар. И тогда мне подумалось, что то, что дается легко, – гнилое и потом от него не будет никакого проку, а то, что достается с трудом, потом принесет благодатный плод, согреет.

В домике у меня жил котенок с белой шерсткой и черными пятнами. Как-то приبلудился он бог весть откуда. Был тощий, грязный, а главное – слепой. Тыкался мордочкой и постоянно ударялся о различные препятствия. Покормил я его хлебушком, размоченным в молоке, помыл в тазике теплой водой, и он стал членом моей маленькой лесной обители. Много раз мне говорили, чтобы я его утопил, ведь он всю жизнь мучиться будет, а у меня от таких советов внутри все переворачивалось. Какой бы ни был, он – тварь Божия, разве имею право я отнимать у кого бы то ни было жизнь? Ну, даже если и слепой, так что ж ему, не жить?

Назвал я его Лучиком. Моя большая лохматая собака Ассоль встретила появление четвероногого пришельца как полагается всякой собаке, но тут же была сражена его открытостью и незащищенностью. Лучик терся о собачью морду, а Ассоль открывала пасть и слегка покусывала котенка, сама себе, видимо, не давая отчета, куда подевалась ее агрессия. Более того, они вскоре так подружились, что, когда Ассоль спала, Лучик забирался на нее и принимался месить своими лапами ее пышную шерсть. Он выпускал когти, что, видимо, доставляло Ассоль удовольствие. А потом Лучик засыпал прямо на живой подушке, и если бы вы видели эту картину, то наверняка умилились бы и разуверились в пословице, что кошка с собакой живут в ненависти друг к другу, ибо эта картина мира и согласия между двумя непримиримыми животными

являла совершенно противоположное. Кошка с собакой могут жить в согласии и даже любви, что людям между собой почти не удается.

Постепенно Лучик освоился с предметами, мебелью, дверями и кое-как перемещался с наименьшими соприкосновениями. Правда, далеко он не ходил, только на площадке перед домиком погуляет – и обратно. Иногда у него плохо выходили прыжки на кровать или стул: он промахивался и падал. Но самое главное – он понял, что обрел свой дом, свое место, своего хозяина, и друга в лице Ассоль.

Внизу, у дороги, располагались два маленьких продуктовых магазинчика. После того как в печи разгорелся более-менее нормальный огонь, я вышел из домика за продуктами и взглянул на крышу. Из печной трубы вертикально вверх мягко поднимался дым, который уже немного выше сливался с клубами тумана. Ассоль, сидевшая на поводке, встрепенулась и вскочила, выражая мне свои чувства по поводу того, что я собрался в магазин. Ей об этом сказала продуктовая сумка, накинутая на плечо. Она пристально смотрела мне вслед, пока я спускался вниз. Потом, когда я скрылся из вида, Ассоль принялась громко лаять, и ее голос разносился так далеко, что я слышал его даже у магазинчика.

Старик стоял около киоска, сторбившись и опершись одним плечом на телеграфный столб. На нем был плащ с капюшоном, который закрывал все лицо, виднелась только густая седая борода. Жилистая рука держала палку – посох. Он стоял, не шелохнувшись и не подавая никаких признаков жизни и интереса к окружающему миру, проезжавшим машинам и проходящим людям. Если бы перед ним лежала шапка или он протянул руку ладонью вверх, то можно было бы подумать, что он просит милостыню, а так он был похож на человека, который на миг остановился, чтобы отдохнуть. Из-под полы плаща виднелась странная обувь. Я, конечно, не разглядывал, но мне показалось, что на ногах у него сандалеты с крестообразными ремешками. Я подумал, что в такой обуви долго не проходишь, тем более когда уже зима на носу.

В магазине я взял полкилограмма хамсы и булку хлеба. Потом решил спросить продавщицу об этом странном старике, не знает ли она о нем что-нибудь. Она ответила, что никого не видела, и это показалось мне странным, потому как старик стоял от магазинчика всего в десяти шагах. Я вышел из магазина, старик все так же находился на своем месте, не меняя позы и не шелохнувшись.

Поздним вечером, когда время уже приближалось к полуночи, я поднялся в часовенку, чтобы выполнить свое духовное правило – вечерние молитвы. С фонариком я проделывал этот путь до своей поляны. В воздухе пахло сыростью и кислой гнилью опавших листьев. Начинал накрапывать мелкий дождик. Движение машин на дороге приутихло. Я любил это время, когда весь мир успокаивался и люди прятались по домам, погружаясь в покой и сон. Казалось, что атмосфера Земли становилась более чистой и легкой, даже дышать можно было свободнее и глубже. Луч фонарика выхватывал у тьмы маленький кусочек, все остальное было погружено в глубокий, густой мрак. Мне подумалось, что вот так и человек должен быть маленьким фонариком в этой жизни, чтобы светить не только себе, но и другим людям, которые потерялись в потемках зла и невежества.

Привычно скрипнула дверь часовни, и я окунулся в атмосферу моей деревянной птицы, именно так я называю свою часовенку. Да она и похожа на птицу, которая присела перед полетом, чтобы оттолкнуться от земли и взмыть в небо. Сладкий, слегка пьянящий аромат дерева, ладана, воска, здесь царящий, успокаивает душу и настраивает мысли на высокое. Сердце, привычно захваченное спазмом мирских переживаний, успокаивается, будто камень спадает с него, и оно начинает биться в совсем ином ритме, нежели обычно. Собственно, сердце только здесь и расправляет свои невидимые крылья. Многие посетители моей часовенки признавались мне в том, что они тоже здесь чувствовали такую благодать и покой, что хотелось им присесть на скамеечку, стоящую у стены, закрыть глаза и отдаться полностью этому неска-

занному состоянию. Говорили, что в эти мгновения понимали, что больше никуда не нужно идти, потому как они наконец-то пришли, достигли предела хождения по Земле, искания мира, любви и нежности.

Я соглашался с ними, мне было приятно, что мое чувство этого места совпадает с ощущениями посторонних людей. Но я не говорил им главного, своей главной тайны, что здесь – действительно конец Земли, ее предел, последняя точка, трамплин в небо. Невидимая лестница уходит вверх, к солнцу, звездам, Богу. Только тот, в ком сердце еще живо, еще не огрубело, не очерствело, может увидеть внутренним оком эту лестницу и пойти по ней. Это чудо может случиться с каждым, потому что настоящее чудо – для всех, кто действительно его хочет, кто готов распахнуть для него свое сердце.

После молитв я несколько минут с закрытыми глазами стою на коленях, опершись руками о пол и опустив голову на ладони. Многие не знают, что после молитвы нужно обязательно помолчать, хотя бы десять-пятнадцать минут. Это очень важно, ведь в эти моменты Всевышний беседует с человеком. Сначала мы говорим Ему, просим, советуемся, делимся своими радостями и печалью, а потом нужно обязательно послушать, что ответит Господь. Голос Бога очень тих, как шорох листка на ветру, как шелест травы, как шепот распускающегося бутона. В эти мгновения все должно замереть внутри и внимать вестнику небес. Будто ты ожидаешь дорогого гостя – убрал свой дом, украсил цветами, накрыл на стол, отворил окна и двери, а потом опустился на скамью, чтобы отдохнуть и насладиться ожиданием, ибо все сделал, что нужно для этой дорогой встречи.

И тут вдруг ветерок пройдет по часовне и обдаст каким-то неземным ароматом, или лампадка необычайно ярко вспыхнет, или колокола прозвенят. Можно, конечно, подумать, что эти знаки, посланные свыше, привиделись, показались, но так рассудит только тот, кто не слышал никогда голоса Всевышнего, кто не знает, как поет солнце на восходе, как все живое внемлет небу, как дышит Земля.

Я слышу, как по ночам вздыхает Земля-матушка, будто стонет от боли. Будто в недрах ее гул раздается, и поверхность слегка колеблется. Люди злобствующие ходят по ней, творят беззакония, а другие плачут от нужды, бессилия и несправедливости. Слезы человеческие падают на Землю, она чувствует это и вместе с людьми скорбит и переживает. Земля такая же живая, как человек, так же думает, чувствует, меняется, только, конечно, по-своему: у нее есть своя особенная жизнь. Есть у нее и сердце. Порой мне кажется, что именно здесь, на моей горе, сердце Земли ближе всего подходит к поверхности и можно слышать его удары.

Долго стоял я на коленях, даже слегка задремал, пока на крыше не послышался стук от начинающегося дождя. Шум нарастал, крупные одиночные капли сменились россыпью мелких капель, которые отбивали непрерывную дробь по доскам крыши. Я вышел наружу готовый к холодному душу и быстро направился к домику, оглянувшись на миг, чтобы осенить себя крестным знаменем. Взглянув на крест часовни, я вдруг увидел, что прямо над нею – круг чистого неба! Вот так! Идет дождь, все небо – сплошная тьма, а над куполом часовни звезда сияет в лоскуте открытого неба. Сердце как-то радостно встрепенулось, екнуло, и я сказал: «Спасибо Тебе, Господи! За то, что вот таким маленьким чудом даешь мне знать, что Ты слышишь меня».

Пора было уже ложиться спать, а сон как рукой сняло после этого ночного зрелища. Радость, как и печаль, равно не дают заснуть. Дождь все усиливался и наконец полил как из ведра. Ассоль заскулила, хотя у нее огромная шерсть и намочить ей невозможно, но почему-то дождя она побаивается и просится в дом, хотя может спрятаться и под навесом, в дровянике. Она радостно виляла хвостом, когда я впустил ее в дом, и в коридоре совершила свою обычную процедуру – основательно отряхнулась, едва я успел отскочить в сторону. «Ну, все-все, успокойся», – приговаривал я, запуская ее в комнату. Она, конечно, от радости стремилась, как всегда, стать мне на грудь своими мокрыми лапами и лизнуть, но я увернулся от ласк и

усадил ее на коврик у двери. Она улеглась и принялась облизывать свою шерсть, а я сел за стол и стал пить чай с сухарями.

Последнее время с деньгами было совсем худо, и трапеза моя была скудная. Ассоль я дал хлеба, обмакнув его предварительно в тарелку с растительным маслом. Жизнь научила каждый хлебный кусочек сушить и складывать в тряпичный мешочек на черный день, и, когда таковой наступал, этот мешочек был спасением. Травяной чай издавал приятный аромат. Сухари, сахар, дрова потрескивают в печи, что еще нужно для счастья? Дождь усиливал атмосферу уюта в этом стареньком глинобитном домике. Вдруг я вспомнил о старике, которого видел днем. Ведь до сих пор этот эпизод как-то не приходил на ум, а вот сейчас, когда мне тепло и хорошо, почему-то подумалось о старике. Тревога в миг выветрила благодатное настроение.

Ведь неизвестно, где он сегодня ночует, есть ли у него что покушать? А я даже ничего не предложил ему, ни денег, никакой другой помощи. Постеснялся! Что за лукавое чувство? – Стесняться протянуть руку помощи ближнему своему. Вот молился столько, просил у Бога милости, поддержки, а главной заповеди Его не исполнил: прошел мимо нуждающегося. Досада накатила на сердце, и я еще долго не мог уснуть, пока не дал себе слово, что завтра обязательно подойду к старику (если, конечно, его встречу) и сделаю то, что не сделал сегодня, – предложу помощь.

В темноте мерцал слабый огонек лампадки, я всегда оставлял ее горячей на ночь. Не люблю лежать в полной темноте. Будто Божий огонек слегка колышется в ночи. Тишина. Ассоль во сне вздыхает. Мыши вышли на прогулку в поисках добычи. Лучик свернулся на одеяле в моих ногах. Завтра обязательно найду старика...

А наутро выпал снег, белизна раскрасила и облачила поселок, поляны, лес в изумительные наряды. Снежинки искрились под лучами яркого солнца всеми цветами радуги. В наших южных краях снег – редкость, порою зима проходит как затянувшаяся осень и медленно переходит в раннюю весну. Сырость, серые краски навевают уныние и жажду по легкому морозцу и снегу. Известно, что для здоровья мороз полезен, и врачи советуют померзнуть одну зиму хотя бы раз в пять лет. Наши давние предки жили в экстремально холодных условиях, когда среднегодовая температура колебалась от минус 12 до минус 14 градусов. Может быть, поэтому они были чрезвычайно здоровы, выносливы, а главное – высоконравственны и духовны, ибо тяжелые внешние условия заставляли людей искать в себе скрытые резервы природных сил для преодоления невзгод, морозов, трудностей быта.

Тело помнит все, оно хранит полный набор информации о предыдущих поколениях, цивилизациях и потому просит снега, мороза, метелей.

Мы с Ассоль выскочили наружу и начали радоваться как дети. Я обтирался снегом, а Ассоль прыгала и зарывалась в белый снежный пух. В сердце пробудилась детская, неумемная радость – радость от того, что ты просто живешь, дышишь и можешь наслаждаться такими простыми вещами, какие Господь устроил на этой Земле. Я с завистью смотрел на собаку, которая могла полностью отдаться этому веселью, – я же с раскрасневшейся кожей вернулся в домик, щеки мои пылали. Я быстро оделся, и мы поднялись к нашей часовне. Ассоль я привязал к спинке скамеечки, которая стоит в пяти метрах от входа в часовню. Она немедленно растянулась на снегу и принялась терпеливо ждать меня, потому как знала, что ее хозяин будет в этом странном деревянном домике, откуда доносятся чудные, неизвестные запахи, не менее получаса.

«Что там можно делать, – вероятно, думала она, – когда здесь на поляне столько радости, красок и веселья?! Любят эти люди что-то вечно придумывать себе, не могут, как мы, собаки, просто бегать, кувыркаться и отдаваться свободе, воздуху, солнцу, ветру. Вечно им чего-то не хватает, хотя у них все есть для счастья, а им все мало, ищут что-то необычное, а оно у них прямо под ногами. Э-эх, люди, люди! Не знаете, что вы счастливы, что купаетесь в счастье, оно с вами, вы окутаны им и буквально полощетесь в нем». Возможно, так думала Ассоль,

глядя на мое исчезновение в странном домике, и была не далека от истины, ибо мы забыли первозданную радость от самого бытия, без какой-либо особой причины на то, слишком заболели разумом своим, который увел нас во мрак душевных исканий. А ведь все божественное лежит на поверхности – бери, черпай, наслаждайся и благодари Всевышнего за каждый миг жизни! Ан нет, что-то не пускает отдаться этому естественному потоку блаженства и благодати, в котором пребывает естественно и без каких бы то ни было усилий всякая живая тварь, всякий цветочек, всякая травинка.

Пока я творил молитвы, птицы снаружи развеселились и бойко щебетали, прыгая по крыше часовни. «Как научиться петь как птицы, чтобы не проговаривать молитвы Господу, а сердцем изливать их, как это делают эти пушистые комочки, не ведающие глубокомысленных слов, – поют от души?» – думал я.

Потом мы с собакой побежали в лес по своим родным тропинкам – каждый день совершали мы такую разминку. Что может быть прекраснее, нежели бежать среди деревьев, вдыхать воздух полной грудью и наслаждаться окружающей красотой?! В наших краях растут удивительные, высокие кусты скумпии, листья на которых осенью раскрашиваются в пронзительно-алые, красные и оранжевые тона. Часто можно видеть букеты из таких веток в домах любителей природы. Я был в разных широтах России, но только здесь, на Кавказе, есть такие растения, они поражают воображение и приносят изысканную радость тем, у кого сердца еще могут понимать нежность природы, ее божественность.

Сейчас же на этих листьях лежал снег, необычайно контрастируя своею белизной с алым цветом. Если бы я был художником, если бы я мог перенести эту сказочную неповторимость на полотно! Впрочем, достаточно просто созерцать и чувствовать эту прелесть изнутри, будтоходишь в ее сердцевину и сливаешься с ее сутью, становясь частью этого чуда. Радость и благодать проникают во все клетки естества, и каждый кусочек моего существа вместе с окружающей природой поет и торжествует. Праздник всегда рядом, он всегда с нами, и этот праздник навсегда.

Ассоль бежала впереди, прыгала по сугробам, ныряла в них с головой и сидела так до тех пор, пока я не достигал ее. Однако на спуске я вырывался вперед, и она наступала мне на пятки, стаскивая обувь, что заставляло меня останавливаться и погружать ногу в ботинок.

Мы прибежали домой взмыленные, запыхавшиеся и удовлетворенные испытанными ощущениями движения и созерцания зимних пейзажей.

Конечно, я думал о старике, о том, что сегодня нужно найти его и заговорить с ним. При этих мыслях вновь появлялось щемящее чувство неловкости, но я уже дал себе слово ничего не стесняться. Даже если это будет выглядеть смешным и наивным, я все-таки сделаю то, что решил. Вот только бы старик никуда не исчез.

Но старик никуда не пропал, а так же, как и вчера, стоял у столба с посохом в руках, наклонив голову. Снег лежал на его капюшоне и плечах. Меня пронзила острая мысль, которая уже подкрадывалась ко мне раньше, но я отметал ее в силу нелепости, однако теперь догадка подтвердилась – старик никуда не уходил! Всю ночь он стоял на этом же месте неподвижно и не подавал никаких признаков жизни. Но раз он стоял, значит, ноги держали его и он был жив. Внутри у меня что-то защемило, я с волнением приблизился к нему на расстояние шага и произнес:

– Дедушка, что вы здесь стоите? Вам помощь нужна? Вы меня простите за беспокойство, может быть, вы ждете кого-нибудь? Вам нужно куда-нибудь ехать?

Старик молчал и никак не реагировал на серию моих вопросов, которыми я его забросал в смущении.

– Дедушка, вам плохо? Как вы себя чувствуете? Вы кушать хотите? – я повысил свой голос, думая, что, может быть, старичок глуховат.

Проходящие мимо люди недоуменно посматривали на меня, отчего я чувствовал неловкость, но решил не отступать. Старик будто не слышал меня, и тогда я слегка толкнул его в плечо. Он вздрогнул, будто я его разбудил.

– Дедушка, вы меня слышите? Вам помочь?

Старик начал кашлять.

– Вы замерзли, пойдете ко мне в дом, согреетесь, и покушаем, что Бог послал.

– Спасибо, тебе, мил человек, – наконец вымолвил первые слова старик. Его голос был тих и мягок, что угадывалось сквозь хриплость.

Старик качнул головой и, откинувшись от столба, произнес:

– Иди, мил человек, вперед, а я за тобой поковыляю. Не спеши больно, ноги шибко подвоят, не слушаются старика.

Я хотел взять его под руку, но он замотал головой:

– Не надо, сам дойду как-нибудь.

Мы двинулись в путь, я шел медленно, угловым зрением поглядывая на старика, который ковылял сзади, опираясь на палку и не поднимая головы. Снег так и продолжал лежать на его капюшоне и плечах. Мысли мои смешались, но, главное, я беспокоился о том, как он поднимется на гору, к моему домику. Тут молодой запыхается, а уж старый человек тем более. И еще я думал о том, чем накормить гостя, быстро соображая, что можно приготовить. На ум приходило только сделать горячий бульон из кубика-концентрата, немножко хамсы осталось, чай с сухарями.

Почуввав приближение хозяина, Ассоль уже радостно повизгивала и, когда мы оказались в поле ее зрения, принялась выражать свою радость вращением пушистого хвоста и выразительным воем. Нужно было увести собаку подальше от входа в домик и перевязать, чтобы гостя, не дай бог, не тронула.

– Дедушка, постойте здесь минуточку, я собаку перевяжу, чтобы вас не тронула.

– Не надо, мил человек, не беспокойся, меня собаки не трогают, – произнес старик, с трудом восстанавливая учащенное дыхание.

И действительно, Ассоль вела себя так, будто вовсе не замечала старика, только становилась на меня лапами и пыталась лизнуть в лицо.

– Добрая у тебя собачка, мил человек, а ты беспокоился.

Мы зашли в дом, и я усадил дедушку на старое кресло около печки, пододвинул к нему стол и отправился хлопотать на кухню.

– Сейчас, одну минуту, и все будет готово, правда, у меня с едой не богато, – оправдывался я.

Дедушка прислонил свой посох к печи и сидел, опустив плечи. Лица я его так и не видел. Вскоре пред стариком стоял горячий бульон, от которого поднимался ароматный парок. Старик дрожащими руками, которые были испещрены выпуклыми жилами, взял пиалу и начал тихонько прихлебывать. А тут и чай заварился, сухари стояли на столе.

– Кушайте дедушка, грейтесь, а я сейчас мигом схожу к знакомой женщине и молочка вам принесу.

Старик ничего не ответил, а все прихлебывал бульон. Честно говоря, мне хотелось, пока я буду идти за молоком, побыть одному, чтобы собраться с мыслями.

Я взял трехлитровый баллон, положил его в сумку и пошел по лесной дороге.

Тетя Валя стояла с женщинами из поселка, и они что-то горячо обсуждали. И я вдруг вспомнил новость, которая последние дни будоражила весь поселок. Дело в том, что всем в поселке собирались отключить свет за неуплату. Последнее время цены на электричество настолько подняли, что местные жители не в состоянии были заплатить. Да и откуда им взять денег, если пенсию не платят уже год, а единственный источник доходов бывает летом, когда приезжают дачники и покупают у них молоко. Но разве на эти деньги что-нибудь купишь?

Загнали русский народ в угол, совсем загнали, нет никому дела до его бытия, будто он вовсе не существует. Списывают простой народ, как использованный товар.

Тетя Валя была для меня как мать и давала мне молоко иногда просто так, бесплатно, хотя у нее было трое внуков, которые, собственно, только и жили за счет ее молока и овощей, какие она выращивала на своем огороде. Я не вмешивался в разговор женщин, и так было понятно, что, сколько ни говори, ничего мы сделать не сможем. Тетя Валя дала мне два литра молока, и я, прощаясь и поблагодарив ее, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.